

А.Спахов

ОТЧЕТ НЕОДЕТОГО ЧЕЛОВЕКА

Неприличные и другие рассказы

УЖИН В БЕКАСОВО

- Маргарита Павловна, передайте, пожалуйста, масло.
- Извольте. Но осмелюсь напомнить вам, уважаемый Анатолий Карпович, в нем масса холестерина, и это плохо для сосудов. Возьмите-ка к семге хлебец с отрубями - неочищенные злаки грубого помола весьма полезны, особенно в нашем возрасте.

- Вы, Георгий Андреевич, я слышала, не едите творога? Это неразумно. Останетесь так совсем без кальция.

- Вовсе нет, я принимаю специальные американские пилюли "Лонг лив", содержащие все необходимые неорганические вещества и минералы. Стоят они всего двести восемьдесят рублей за коробку, а хватает почти на три месяца. Могу и вас снабжать, Софья Яковлевна.

Гости приехали в сумерках. Супруги Потаповы, Анатолий Карпович и Софья Яковлевна. С Потаповым я знаком по коллегии министерства, а жену его сегодня увидел впервые.

На прошлой неделе, в среду, кажется... да, именно в среду - потом еще совещание ведущих специалистов было, а их всегда по средам проводят, раз в две недели, - довелось вместе с

Анатолием Карповичем ожидать приема у Первого. Незаметно разговорились, и пригласил я его с супругой в выходные к себе на зимнюю дачу в Бекасово. Из чистой вежливости пригласил: разговор зашел об отоплении - преимуществах жидкостного над электрическим, у меня как раз жидкостное, вот и предложил посмотреть, а он неожиданно возьми, да и согласись. Переигрывать-то было неудобно - Потапов человек влиятельный, из новых. Сидим сейчас, ужинаем. По паре только и успели пропустить.

- Попробуйте буженинки с хреном, Анатолий Карпович, совсем постная, с рынка.

- Спасибо, Маргарита Павловна, положите, пожалуйста, этот кусочек, он поменьше.

Погорячился я с приглашением. И не в расходах дело - люди мы с женой хлебосольные и, слава Богу, позволить себе можем. Да вот только не лежит душа выпивать с Потаповым, словно заранее знаешь, что на завтра подташнивать будет.

Нет, вы только поглядите на него, на Потапова - жрет, как затаривает. Глистам, что ли? Во метет и, заметьте, одни только деликатесы! От икорки к рыбке белой, от белой через масло к красной, от рыбы - к грибам, от грибов - ко всяким там креветкам-лангустам, следом в салатах порылся, будто искал чего, потом опять по красной с маслом и - прямехонько в колбасный ряд, а там раздолье: одних сырокопченых три наименования плюс свинина двух видов да еще эта, как ее, на юге делают, не прожужешь еще... Бастурма! Везде проехался. Не гость, а уборочная машина, право слово. Снова, гляжу, в рыбе копается! Вспотел аж весь!

- По водочке, Анатолий Карпыч? «Московской», «Абсолютику»? У меня настоящий есть, шведский, привозной. Под белые грузди? Как? Нам местный пастух в сентябре два ведра таких расчудесных принес - не поверите. Рита сама лично в кадушке солила: чеснок, смородиновый лист, укроп - классика! По соточке? Пятьдесят? За удачу в делах? Идет?

- Георгий Андреич, дорогой, можно на «ты»? Взаимно. Ты прямо в душу мне заглянул. Теплым взглядом. Люблю, понимаешь, под гриб. А она чтобы - ледяная, густая, стерва, в один глоток. И сразу им, родимым, сопливым, длинненьким таким, не жуя - ап, придавить. Хорошо! За удачу в делах - подходящий тост. Дамы, а вам что налить? Маргарита Павловна? Софа?

- Мне, пожалуй, Анатолий Карпович, рябинки на коньячке. Вон она в хрустальном графинчике, за селедочкой стоит.

- А я, дорогой, рюмку портвейну из этой пузатой бутылки попробовала бы.

Разливает-то как по-хозяйски - начальник, блин, главка. Галстук спустил на брюшко, толстопупсик. Коротышка плешивый, а туда же, бабником у нас в аппарате слывет - секретарш ежеквартально меняет, жеребец. Представляю, как он их в прыжке настигает и заваливает с рыком тигриным. Умора.

А Софка, матка его, - ничего себе, крепенькая, хоть и не девчонка уже. Сороковник точно есть, но аппетит возбуждает еще, не сдается. Радует, короче, взор тонкопонимающего знатока. Умело распоряжается своим арсеналом: складками нескольких видов, теплыми ямками, шарами с пружинками, изгибами плавными и, само собой, выпуклостями. Все-то у нее есть! Все на месте и точно по делу, без излишеств. А походочка! Мм-м. Сахар! При каждом шажке будто ей что-то внутри мешает, беспокоит, покалывает, о себе напоминает, перекачивается. Чувствуется в ней, скажем так, глубина и влажность... Вот, нравятся мне такие, с блядинкою. Довалкиус обыкновениум. Понимаю я их с полувзгляда. Во-во, гляди, как после портвея облизывается. Прямо тебе - любовь помаленькому. «Угостите меня бананом» называется.

- А что, Анатолий Карпович, ты скажешь по поводу кролика, жаренного в камине? Задняя часть в уксусе вымочена, а передняя - в красном вине. А? По усам вижу, знаешь толк в таких вещах. Наш кролик, местный, утром бегал еще, косой. Сосед через два дома выращивает. Неси скорее, Ритуля. Как бы не подсох!

- Ну, Андреич, ты даешь! Не ожидал! Правильный мужик! Засиделся, я чувствую, ты в "Автотракторном электрооборудовании". Перебирайся к нам в "Техкомплектацию". Как раз старик Харькевич на пенсию собрался. Место зама - чем плохо? Могу договориться. Идет?

- Погоди ты, Карпыч, о делах. Давай "Охотничьей" под кролика накатим. Присоединяйтесь, любезная моему сердцу Софья Яковлевна.

Нет, пора действовать. Принимать меры. Так дальше продолжаться не может. Я попусту теряю время! Софу пропускать нельзя! Пропустишь - раз, поленишься - два, испугаешься - три, и все... прощай, квалификация! Что дальше? Шлепанцы, кальсоны и старость?! Не выйдет! План к утверждению, срочно! Пункт номер один: Карпыча напоить. Пункт два - Карпыча уложить. В дальнюю на диван - пусть

спит! Три - сауну в подвале ненароком включить, предбанник прогреть, полотенца приготовить! Дальше? Софку перед камином усадить, шампусику налить, глупостей на ушко наговорить и.... Какие еще препятствия? Жена? Тетеха! Ей только отмашку дашь - спать, так она через секунду уже посапывает, душка, и до утра без остановки. Ничего в жизни не надо - только дрыхнуть по полдня. Отстрелялась уже. Все страсти в далеком прошлом. Увы.

- Ба! Анатолий, ты куда льешь? Какие рюмки?! Под дичь?! "Охотничью"?! В стакан ее, в стакан! По сто пятьдесят, брат! Залпом!!

Принял, порядок.

- А сейчас, господа, позвольте нашу скромную обитель показать. На экскурсию, так сказать, приглашаю. Что, Карпович, не встаешь? Отяжелел? Ну ничего, бывает. Посиди, посиди, дорогой. Ритка, останься с гостем, попотчуй его коньячком, а я пока Софье Яковлевне все подробненько покажу.

- Проходите, Софья Яковлевна, проходите. Здесь гостиная, а это у нас спальня. Ритуля моя - любительница поспать, да так крепко получается у нее - не добудишься порой. Софья Яковлевна, позвольте, я вас Софой называть буду? А вы меня соответственно Гошей. Идет? Ну и нормалек! А здесь коридорчик и комнатка. Называем ее - диванная. Если кто из гостей переберет ненароком, то обычно сюда кладем, тихо здесь, ничего не слышать. Пусть отдыхает себе человек. Правильно? Я вот и бутылочку минералки поставил, чтобы в случае чего не блуждал без дела. Эта лестница - в подвал, а там сауна, баня, значит. Я на секунду спущусь. Порядок. А здесь - опять коридорчик, лестница в мансарду и, наконец, каминная - романтично полыхает. Вы, Софа, кто по образованию? Английская литература девятнадцатого века? Душевно. Я по молодости лет тоже увлекался - Киплинга даже пытался переводить. А хотите, через полчаса, когда все успокоится, я вам здесь что-нибудь декламирую? Не возражаете, Софа? Ну вот, мы и вернулись. Рита, что с нашим гостем? Ты его совсем замучила, я вижу. Клюет носом. Толя, как себя чувствуешь? Спать? Ну что ты, брат, такая рань! Я обещал Софье Яковлевне стихи собственного перевода в каминной почитать, а ты говоришь - спать. Обижаешь! Ну ладно, ладно, сейчас старинного вискаря со льдом по бокальчику, без него

нельзя, и сразу, так и быть, уложу тебя. Рита, не помню, в диванной постелено? Ну пойдем. Тяжелый какой.

Так. Пока все по плану.

- А вот и я, девочки. Уснул ваш супруг, Софья Яковлевна. Устал, ответственный работник, намаялся. Давайте, девчата, сейчас я бутылочку французского открою и переберемся-ка к камину, там я вам стишата почитаю. Рита, что же ты, право дело, такая несветская. Зеваешь, словно гиппопотам. Даже неудобно. Слыхала уже стишата, глаза слипаются? Ну ладно, иди, иди, родная, ложись. Я недолго. Только пару сонетов - и к тебе. Спокойной ночи, Ритуся.

Движемся строго в соответствии с графиком.

- Пойдемте-ка, Софа, к огню, я еще сухих подложил. Обворожительно в каминной. Не находите? Языки пламени пляшут на взволнованных лицах безумцев. Терпкое вино, правда? Горчит? Это потому, что в нем растворена грусть по неразделенной любви, по упущенным возможностям и щемящее чувство пролетающих мимо годов. Это в первом бокале, а во втором - неожиданные разрывы, краткие свидания, несказанные слова, нечаянные, трогательные прикосновения и опять грусть, но уже с легким привкусом счастливых мгновений, ты не находишь, Софа? Да? Все забываю спросить. А как ты смотришь на непростительные ошибки, о которых потом всю жизнь вспоминаешь с удовольствием? И я так же. Пойдем? Куда? Здесь неудобно, хоть и спят все, но... Осторожно - ступеньки. Сейчас открою, светло будет.

Широким жестом я отворил перед Софой дверь. Сладко пахло сухой березой. Поворот выключателя...

В центре предбанника господин Потапов одетый в длинную теплую майку, совершал четкие, ритмичные движения, старательно следуя отрывистым указаниям невидимой от двери жены моей, Маргариты Павловны:

- Так, Толик! Давай, Толик! Еще, Толик!

Ведь знал - не нужно приглашать Потаповых.

ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА

Посвящается Н.Семенову

Зыбкая дрема плавно уступала место прочному солдатскому сну, когда прозвенел телефонный звонок.

Половина двенадцатого. Кто бы это мог быть? – с опаской, косясь на часы, подумал Валерьян Павлович, отставной военный, а ныне работник кадров. Пятница. Вся родня на даче. Может, не снимать трубку? Но ...

- Аллю, Богомяков на проводе.
- Валерьян, приветствую тебя, это я, Боря Хенкин.
- Здорово, Борис, слушаю внимательно.
- Я тут мимо твоего дома еду и вижу: свет в окнах горит. Дай, думаю, позвоню. Вдруг не спишь?

Старинный приятель Борька, судя по голосу, был выпивши.

- Не ложился еще. Перед ящиком сижу. Откуда едешь-то?

- Шефа в отпуск провожал. В аэропорту по капле приняли. Я и с собой взял. Ты как?

Боре хотелось общаться, а Валерьян Павлович выпивать с Борей любил. Болеть с похмелья не любил – это факт, а выпивать, да еще с балагуром Хенкиным, любил.

Застрять в городе на выходные нехарактерно для Валерьяна Павловича. Сущность и тело его рвались на дачу к природе, но Серафима, тетка из Борисоглебска, пожелав подновить родственные чувства, передала с поездом племяннику посылку. И теперь из-за куска свинины, банки сливового варенья и шерстяных носков всю субботу придется провести в городе, в толкотне и духоте. Выходные были испорчены.

- Поднимайся. У меня тоже кое-что найдется, – Валерьян Павлович решил расслабиться. В меру.

Звонок в дверь застал Валеру за резанием закуси. Получилось без излишеств, но достойно. Сыр, овощи, рыба и, конечно же, коньячок. Не ахти что, но все-таки пятилеточка.

- Борька, сколько же мы с тобой не видались? Полгода? Год?

Разлили. Чокнулись. Выпили за встречу. Неторопливо, с достоинством.

Первая легла, как непорочная невеста, - торжественно и нежно. Закусили. Заговорили. Вроде как ни о чем, но в тоже время о вещах важных, цементирующих понятие «дружба». Как сам? Семья? Бизнес? Все оказалось в норме. Как и положено стоящим мужикам. Нестарым еще, но пожившим и достигшим положения. Пора, наливай-ка следующую.

Райской птицей по ветвям новогодней елки, задевая крылами серебряные колокольчики и золотистые бубенчики, вспорхнула вторая. Глаза заблестели, лица зарумянились. Перешли к новостям легким и необязательным. Где бывал. С кем. Что видел. Сколько получил. Достроил дом, поменял машину. Скинул три килограмма.

Неотвратимо, как крейсер к причалу, как премьер-министр в президиум, подошло время третьей. Чинно налили.

Гост был полон смыслом и знанием жизни, болью за судьбы человечества и содержал точный рецепт счастья для всех без исключения жителей этой грешной, но в чем-то родной планеты.

Молодецким, раздольным взмахом закинув в себя третью, Боря, чуть откинувшись и как бы оглядывая Валерьяна Павловича, сказал:

- Слышал? От Шуры Головякина жена ушла.

Шурка был из их, несколько лет назад распавшейся, компании. И жена его Надя тоже была из их компании. И много лет они дружили. Вместе отмечали праздники и ездили в отпуска. Дружили их дети, знакомы были родители.

- Когда? Куда?

- Да уже месяца два. К другому ушла. Сослуживец, что ли. Или начальник. В очках.

- Вот ведь сука. Шурка-то как? Переживает? – Валерьян разлил остатки коньяка по рюмкам.

- Наверно. Я его не видел, только по телефону разговаривали. Сейчас один живет в квартире, что от родителей осталась, на Преображенке.

Четвертая вышла укоризненной, исполненной горечью от женского коварства.

«Что ж это выходит, - думал Валерьян, пережевывая кусок лосося холодного копчения, - теперь любая жена может взять да и податься к «другому»? А кто же тогда будет за мужьями присматривать? Рубашки, как положено, стирать, сушить, гладить и прочее? Что ж, им так и ходить неухоженными, в разных носках и облеваных галстуках? Носить старомодные пиджаки с обсыпанными перхотью плечами и коротковатые

брюки с бахромой? Да в таком виде даже собственные мужнины секретарши потеряют к ним неслужебный интерес и лежащее уважение. А кто мужьям будет задавать корм? Кто согреть и чесать бока длинными, ненастными ночами? Кто поменяет в стойле сено и выгребет помёт, наконец?»

«Эй, о чем это я? – встрепенулся уже слегка хмельной Валерьян, засмотревшись на беззвучный телевизор, где как раз с показа трех разноцветных коней начинались полуночные новости. – Какое стойло? Муж – он что, мерин? Ни в коем случае! Муж – он, несомненно, помесь голубя, кота и жеребца. Душа рвется ввысь, тело тянется к теплой печи, а глаз косит на женщин. Надо Шурика поддержать. Прибодрить. Вселить в него уверенность. Посоветовать податься в «другие» за чужими женами, но потом, а пока воспользоваться выпавшей временной возможностью и кусить того, что недоступно в тисках законного брака».

- Борис, срочно соедини меня с Александром, – сказал Валерьян сидевшему ближе к телефону Хенкину.

Трубку подняли сразу.

- Дрочишь? – прямолинейно, как принято у начальников средней руки, привыкших общаться с работягами, спросил Богомяков.

- Нечего, Валерьян Палыч. Приболел я, – в тон ему ответил Шура.

- Надеюсь, что-нибудь венерическое?

- Увы, нет, товарищ Богомяков, желудок. Изжога замучила.

- Я всегда тебе говорил, Головякин: ты слишком мало пьешь. От этого и все твои болячки. Жди, мы с Хенкиным Борей сейчас к тебе выезжаем, – веско сказал Валера и повесил трубку.

- Поддавать будем, Валерьян? Всю ночь? – встрепенулся Боря, ставя пустую бутылку на пол.

- Нет, Боря, не только. Мы Шуре сейчас привезем и подарим женщину в утешение. Настоящую женщину, для секса. Понял? Пусть оттянется, обмокнет в нее, забудется в страсти, вспомнит жар объятий и вкус поцелуя. Выходим.

Таксист оказался тертым, разбитным парнем. Быстро разобрался с заданием и маршрутом. Женщину решено было брать на Ленинградском – выбор там побольше да и по дороге.

Даже ночью, а было около часу, Ленинградское шоссе оказалось местом оживленным. Между трассой, на обочине которой поминутно тормозили автомобили, и группами

женщин курсировали расшатанные, как старые табуретки, распорядительницы, которых традиционно называют мамками.

Валерьян дал команду останавливаться.

- Э-э-э. Как вас там? Мамаша! Можно на минуточку.

- Да, я к вашим услугам, мужчины. Девушек будете брать? Сколько? Каких? – мамка была деловита и конкретна. В манере речи проглядывалось прочное политехническое образование, не выведенное сугубо гуманитарным трудом ее последних лет.

- Сейчас речь идет об одной девушке. Хорошей девушке, – с нажимом ответил Валерьян. - Подарочный вариант. Хотелось бы сделать нашему старинному другу Александру приятное.

- Приятное?! Это как раз по адресу. Тут только тем и занимаются, что делают клиентам приятное. А вашему как именно нужно сделать «приятное»? У нас имеются как узкие специалисты, так и мастера широкого профиля.

- Мне кажется, Шура любит получать приятное по-всякому и желательно недорого, – подал голос рациональный Борек.

- «По-всякому» означает, что ему нужна женщина опытная, мастер на все руки. Девица, как говорится, хоть куда. Да вот, к примеру, Тома. Подойди к клиентам, Тома, покажись. Смотрите, чем не подарок? Сквозная девчонка. – Мамаша вытолкнула вперед дылду в пышном платье.

- То есть как это сквозная? Дует, что ли у нее ото всюду? – Валерьян строго осмотрел предъявленную Тому. Та потупилась.

- Что вы такое говорите, мужчина? Ни откуда у нее не дует, даже не потягивает, – шмыгнула носом мамка. - Просто работает девушка всем телом, любыми отверстиями и углублениями. Работает на совесть, с огоньком. Прикуривать можно.

- Отрадно слышать, мамаша, что в стране есть старательные кадры. Все нас в Томе устраивает, да, Борис? И формы, и содержание, но вот нет ли у вас точно такой же Томы, только без этой черной бородавки? Поймите меня правильно, я не против бородавок как таковых, природа есть природа, но наш товарищ сейчас в размякшем состоянии, и нет уверенности, что бородавка прибавит ему крепости.

- Что? Где? Какая бородавка? Это не бородавка, это родинка, признак темперамента. Скрытый огонь, пожар! Что бы вы понимали... – хозяйка пожала плечами, всем своим видом коря клиентов за привередливость.

- Боря, ты не знаешь, Головякина родинки возбуждают?

- Не замечал, – лаконично ответил Хенкин, но, оживившись, продолжил. – А веснушки, знаю, нравятся. Была у него одна конопатая. Вообще-то Саня искрит от женщин выпуклых, тугих. Таких, чтобы трусы трещали, а лифчики лопались. Чтобы койка ходуном ходила, форточки хлопали и занавески развивались. А еще уважает он баб горластых, звонких с хрипотцой. Я как-то с ним в санатории под Подольском в соседних палатах подлечивался, так он такие концерты, бывало, организовывал! Заслушаешься. Потом его во флигель перевели – в отделение слабослышащих. Погромче кто-нибудь найдется?

- На веснушки сейчас не сезон, сами понимаете – август, а выпуклые имеются. Возьмите хотя бы Розу. Женщина круглая, сплошная мягкость. В профессию пришла по призванию, по зову сердца, трудится самозабвенно, отдает себя всю без остатка. Инициативна, изобретательна, контактна, не боится экспериментировать, пробовать новенькое. И клиенты ей платят взаимностью, под ее руководством у любого старинного друга встанет. Только у нее особенность одна небольшая есть...

- Что за особенность? – насторожился Валерьян Павлович.

- Неглубокая она женщина, – вздохнула мамаша.

- В каком смысле неглубокая? В школе на тройки училась? Гоголя от Чайковского не отличает и косинус от корня? Это сегодня несущественно.

- В корнях-то она как раз разбирается. По-женски она неглубока. У некоторых клиентов не получается за нее зацепиться крепко, выпадает у них. Мелковата уродилась...

- Куда же это годиться? Баба без... - Борис призадумался, подбирая слово, да так и продолжил, не найдя подходящего. - Что с нею делать-то? Глядеть на нее? Валера, я думаю, Шура не одобрит выбор неглубокой Розы.

- Что вы подсовываете, мамаша? - Валерьян Павлович посуровел. - Нам нужна женщина, стопроцентно годная к работе, чтобы все узлы и агрегаты у нее были на месте и действовали исправно. Настроенный инструмент. Бери и играй, исполняй все, что хочется. Приспичило по-быстрому – пожалуйста легкую ораторию. Запросила душа классики – извольте по всем правилам и кононам, ну а уж захочется Шура чего-нибудь этакого, так пусть хоть в вокал протискивается. Сейчас сами выберем. Мамаша, постройте ваших красавиц. – И уже обращаясь к водителю, добавил: - Шеф, врубай дальний. Смотри, Хенкин, внимательно.